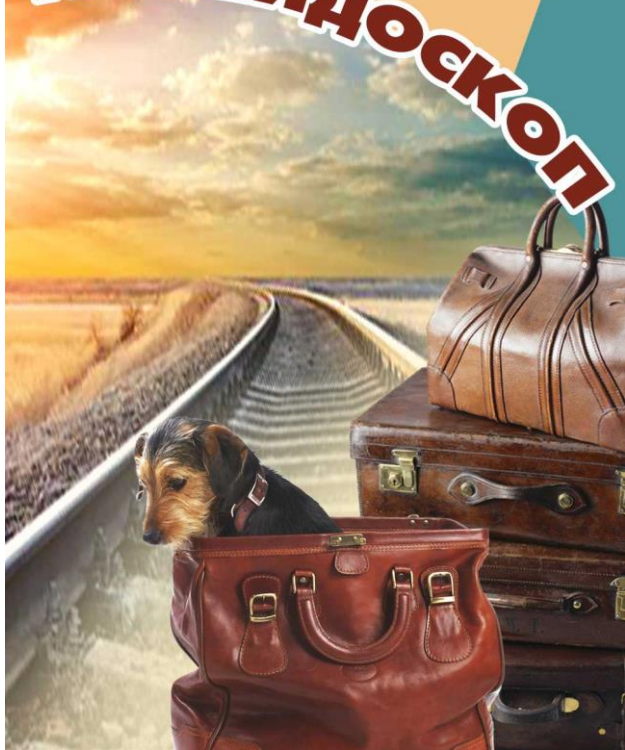

Татьяна Саражина

КАЛЕЙДОСКОП

Меняются узоры в калейдоскопе. Один узор — поворот — другой узор. Они никогда не повторяются... Так же перелистываются и страницы жизни военнослужащего — узор меняется, не повторяясь больше никогда. Мелькают города и страны, уходят в прошлое люди, с которыми жил и работал вместе: они остаются, а ты уезжаешь от них навсегда. А впереди ждет неведомое: новые лица, новое окружение, новые впечатления... А порой все приходится начинать с нуля, вписываться в новую реальность, перенимать иные обычаи, язык, нравы. Разными словами можно назвать жизнь офицера — необычной, неустроенной, непредсказуемой, интересной, трудной, романтической — но невозможно назвать ее скучной и однообразной.

Перед Вами сборник рассказов «Калейдоскоп» Татьяны Саражиной, в котором глазами жены военнослужащего показана кочевая жизнь семьи офицера с ее радостями, лишениями, успехами и неудачами, надеждами и курьезами. В этой удивительной книге Вы найдете смешные и трогательные истории: рассказы о детях и животных, мистические истории, в которые трудно поверить, но которые действительно имели место, невыдуманные истории с драматическими, а порой и трагическими событиями.

Татьяна Саражина

Калейдоскоп

(Рассказы о любимых животных, мистических явлениях и не только...)

Есть контакт

Мы, семья военнослужащего, изрядно поколесившая по «белому свету», в начале 90-х вернулись на Украину на постоянное место проживания. Остро встал вопрос о крыше над головой. Как-то, вооружившись очередной газетой с объявлениями, мы приехали в поселок под Одессой в поисках жилья. Зайдя на указанную в газете улицу, мы услышали яростный собачий лай, доносившийся откуда-то издалека. По мере приближения к указанному номеру дома, лай крепчал. Каково же было наше удивление, когда мы, таки, отыскав нужный нам номер, увидели, что собака, издающая такие страшные звуки, проживает именно по этому адресу. Туго натягивая цепь, давясь, хрипя и кашляя, рвался к нам небольшой песик рыжей масти. Его, как потом оказалось, так и звали — Рыжиком. Мы оторопели от такого

натиска, по большой дуге, прижимаясь к стенке дома, с испугом протиснулись в дом по приглашению хозяев.

Прошло несколько месяцев. Подошел к концу долгий процесс купли дома. Он перешел в нашу собственность вместе с его охранником. Эта рыжая бестия никак не хотела признавать нас хозяевами.

Как-то я находилась дома одна. Муж — на службе, старший сын — в институте, младший — в школе. В задумчивости я резала овощи для приготовления обеда, и вдруг меня просто подбросило от отчаянного визга, доносившегося со двора. Кто — то явно попал в беду и требовал незамедлительной помощи.

Как меня вынесло из дома, я не помню. Пришла в себя уже сидящей на корточках перед собачьей будкой. И держала в объятиях освобожденного от цепной петли, Рыжика. В непосредственной близости от своего лица я видела его красивые карие глаза, которыми он в упор смотрел на меня. Вокруг стояла звенящая тишина. Внезапно осознав, кого это я держу в своих объятиях, и чем мне это может грозить, медленно поставила песика на землю и начала отход. Пришел запоздавший страх. Но боялась я напрасно! С этой минуты не было создания более преданного мне. Контакт состоялся!

Мы долгие-долгие годы жили «душа в душу»

с Рыжиком. Дожил он у нас до глубокой старости, став уже не рыжим, а седым. И служил нам верой и правдой, даже ослепнув от старости.

История про карпа

Когда мой муж служил в Западной Группе Войск, наша семья проживала в военном городке. Кто знаком с жизнью военнослужащих, тот знает, что офицерам там полагался продуктовый паек. В него входили разные продукты: мясо, рыба, крупы и т. д... Продукты полагалось получать один раз в месяц в определенные дни. Я и направилась за ними, прихватив с собой старшего сына для помощи. Быстренько получив все, что нам полагалось, мы направилась домой.

Дома, разгружая сумки, мы увидели картину, неприятно нас удивившую — рыба, — большой зеркальный карп, оказалась живой. Он укоризненно смотрел на нас, отчаянно разевая рот. Ни у кого из нашей семьи рука не поднялась отнять у него жизнь. Что же нам оставалось делать? Рыба немедленно была водворена в ванну. Нам казалось, что она сама «уснет» через некоторое время. Но, сколько не заглядывали члены моей семьи в ванну, они видели одну и ту же картину — рыба была жива-здоровая, и ей явно нравилось в ней плавать.

Через пару дней семья взбунтовалась. Всем

необходимо было использовать ванну по ее прямому назначению, а рыба и не помышляла о вечном сне. Нужно было срочно что-то придумать. Мы со старшим сыном, пораскинув мозгами, нашли, как нам казалось, выход из этой ситуации. Надо сказать, что на территории городка имелся пруд. Встав рано утром, часов эдак в пять, мы с сыном, с трудом отловили активно сопротивлявшегося карпа. Пригибаясь и оглядываясь, поспешили к водоему. Не дай Бог кто-то узреет, что мы собираемся делать, — мы станем всеобщим посмешищем в городке. А кое-кто даже усомнится в нашем психическом здоровье. В сумерках мы дошли до водоема и благополучно выплеснули из ведра нашего красавца. Вздохнули с облегчением, повернулись, и, с чувством выполненного долга, отправились было домой. Затем, отчего-то, разом остановились и посмотрели назад. И не зря...

Вода забурлила — в воздух высоко взметнулось сильное серебристое тело карпа, который как будто благодарил нас за подаренную ему жизнь. А мы с сыном, улыбнувшись друг другу, весело пошли домой. На душе у нас было радостно.

Мышь

В конце 70-х я работала инженером-

электронщиком в вычислительном центре. Центр состоял из нескольких помещений. «Сердце» центра — машинный зал. Большое, похожее на спортивный зал, помещение, было сплошь заставлено стойками с платами. Огромное, работающее с оглушительным звуком, печатающее устройство. Громадные, выше человеческого роста, шкафы, на которых размещались бобины с магнитными лентами, размером с большую обеденную тарелку. Пульт управления размерами схожий с пианино. И... повсюду провода. Океан проводов. И не дай Бог, какой-то из них оторвется, то считай — пропало. Машина вычислительная будет стоять, пока не отыщешь поломку. Это означало искать иголку в стоге сена. Кто работал в то время электронщиком, знает, о чем я.

Когда машина была в рабочем режиме, в зале стоял довольно сильный шум работающих устройств. Мигали разноцветные огоньки, пощелкивали, крутятся, то в одну, то в другую сторону, бобины. Стрекотало перфорирующее устройство. А электромагнитные поля были такими мощными, что нельзя было зайти в зал во, входящих в ту пору в моду, электронных часах. Я, забыв об этом, так сразу же и потеряла подаренные мужем в день рождения часы, которые одела в первый раз. В первые же минуты пребывания в зале они были безнадежно испорчены.

Было у нас еще помещение, где инженеры могли поработать с документацией. В два ряда — письменные столы. А в торце помещения — стол начальника отдела. Мы были у него, как на ладони. Как-то, придя с обеда, полезла я в тумбочку своего стола, и увидела в пустой трехлитровой банке, которую я все время забывала забрать домой,... мышь. Несчастное животное металось по банке, вставало на задние лапки, стремясь вылезть из плена. Усики ее смешно шевелились. А глаза умоляюще смотрели на меня. «Все», — думала мышь, — «Настал мой смертный час».

Мышка была прехорошенькой. Я вытащила банку на стол, покрошила на газету булочку, что осталась у меня с обеда, и осторожно положила банку на бок. Мышь, опасливо озираясь, выкарабкалась на газету, да и неожиданно стала угощаться булочкой. Наверное, была уж очень голодна. Так мы с ней тихонько и сидели. Я, замерев, чтоб не спугнуть ее, на стуле, а она, беря изящными лапками крошки, отправляла их себе в рот.

Мы с ней были в помещении одни. Сотрудники еще не вернулись с обеда. Как следует, подкрепившись, серая грызунья, поглядев напоследок на меня внимательным взглядом, неторопливо подошла к краю стола и спустилась вниз. Вскоре я ее уже не видела. Посмотрела на

часы, — было уже два часа дня. Вскоре вернулись мои коллеги. Я, убрав остатки мышинового пиршества, занялась документами. Никому ничего не рассказала. Да и кто бы мне поверил?

Каково же было мое изумление, когда на следующий день ровно в два часа дня передо мной возникла озорная усатая мордочка. Я не верила своим глазам! Этого не могло быть! Но, — было... Я опять накрошила ей еды. Когда мышь занялась едой, тихонько позвала соседей. Все столы были заняты работающими инженерами. Попросила двигаться плавно и не шуметь, близко к моему столу не приближаться. Как замороженные, все смотрели на странную мышь. Она, как ни в чем не бывало, покушала, опять глянула на меня и скрылась, спустившись со стола. Все разом загалдели.

И... с этого дня начались мышинные перекусы. В два часа все занимали свои места и представление начиналось. Дня не проходило без мыши. Монотонная жизнь отдела приобрела краски. Нам везло, — наш начальник в это время находился в другом месте. Но и до него дошли слухи об интересных событиях, происходящих в его отделе. Он не верил. Сказал, что пока своими глазами не увидит — не поверит.

В очередной день в два часа все были на месте. Начальник — тоже. Угощение для мыши

было уже приготовлено. Мышь не заставила себя ждать, — она была пунктуальна. Ровно в два часа появилась на моем столе и привычно принялась за угощение. Глаза начальника удивленно округлились. Понаблюдав за необычным явлением, начальник громко сказал: «Ну, хватит! Пора прекращать этот цирк, — и выразительно посмотрел на меня, — Понятно? У нас везде провода и кабели. Чтобы больше никаких представлений!» И громко захлопал в ладоши. Мышь прямо подпрыгнула от неожиданности. Она уже привыкла к деликатному обращению. Метнулась со стола, только ее и видели.

Больше она не появлялась... Видно, не хотела меня подводить...

Ритка

Ранней весной нам подарили маленькую козочку, только что отлученную от матери. Мы, исконно городские жители, благодаря крутому жизненному виражу, вдруг оказались селянами. Большой дом с печным отоплением, с удобствами, так сказать, во дворе, теперь принадлежал нам. Чему мы были очень рады, так как, до сих пор своего жилья не имели, переезжая из гарнизона в гарнизон.

Начало нашему хозяйству и положила эта

самая козочка, которую мы называли гордым именем Маргарита. А меж собой — Ритка, для краткости. И началось... Я вспомнила тяжелые годы с бессонными ночами, когда два моих мальчика были совершенными малютками. Ритка успокаивалась только у меня на руках. Честно признаюсь, что ухаживая за козой, я даже пользовалась тальком, если замечала у нее раздражение кое-где. Кормить ее приходилось свежесваренной манной кашей на молоке, причем, только строго определенной температуры (не знаю уж как она определяла разницу в какие-то доли градуса!). Иначе вся каша оказывалась на панелях. И мне приходилось варить новую кашу, а прежнюю срочно с панелей замывать.

Жила она в отгороженном закутке на кухне. На улице был мороз, в сарай мы ее определить из-за этого не могли, — не хватало совести. А в доме, в связи обширным ремонтом, все равно можно было сломать ногу. То ли все козы такие, то ли нам так сильно повезло, но Ритка была страшной непоседой. Что она вытворяла! Перескакивала с легкостью через ограждение, вперегонки бегала со щенком миттельшнауцера, тоже жившим в доме. Он, кстати, был совершенно такого же окраса перца с солью, как и Ритка, и совершенно такого же роста. Так сразу и нельзя было понять, кто несется на тебя со страшной скоростью — коза или Стронг. Нужно

было просто вовремя увернуться, чтобы не быть сшибленным на пол. Меканье и гавканье наполняли наш дом, и только в редкие ночные часы, можно было отдохнуть от этого гама.

Особенной резвостью отличалась коза. То она вспрыгнет на подоконник и сжует только что купленные портьеры, То запрыгнет на раскаленную чугунную печь, наполняя воздух «чудесным фимиамом», источаемым подпаленными копытцами. То разобьет что-то, запрыгнув на стол. С сыном, школьником младших классов, у них были особые отношения. То Ритка, разбежавшись, боднет его в мягкое место, то он ей сдачу даст. Когда я начинала их ругать, в ответ от Сергея слышала: «Да она первая начала». За козой нужен был «глаз да глаз». Короче, нам было весело, жизнь в доме была ключом.

Но, время шло, и в свои права вступала настоящая весна. На улице потеплело, появилась первая травка. Козочку, наконец, перевели в сарай и стали выводить пастись. Рано утром Ритку выводили на пастбище. Наблюдать это действие выходила вся семья. Это был своеобразный ежедневный ритуал. Козе нужно было пройти мимо двух собак. Дойдя до первого-Рыжика, она начинала его гонять, пока бедная собака не спасалась от нее на будке. Боевой Рыжик очень боялся этой бестии. Бедная собака вся дрожала.

Ритка же, с чувством выполненного долга, шествовала дальше.

Возле калитки, где стояла будка миттельшнауцера, живущего в доме, но утром и вечером выводимого «подышать», картина резко менялась на прямо противоположную. Теперь дрожала Ритка, ни за что на свете не соглашавшаяся сойти с места, пока не будет убран Стронг. Прежней дружбы между собакой и козой не было. Виной тому был паршивый Риткин характер. Это она как-то рискнула напасть на собаку, за что и поплатилась. Вечером все повторялось в обратном порядке. Ритка ждала у калитки, чтобы зайти домой, но не заходила, пока Стронга не убирали.

Козочка наша часто бедокурила. То и дело я слышала соседский крик: «Таня, опять твоя коза обглаживает наши деревья!». Как она снималась с привязи, было для нас загадкой. Однажды я подкараулила это действие. Козочка брала в губы кольцо и тащила его вдоль колышка вверх до тех пор, пока не снимала его. Она оказалась очень сообразительной. Приехавшая к нам погостить, мама моего мужа, видела другой вариант освобождения. Поддев кольцо рогом, Ритка, проделала те же манипуляции и была такова, сильно удивив мою свекровь. Та в задумчивости бормотала: «Если бы не видела своими глазами, ни за что не поверила бы». Раньше мы и не

подозревали сколь исключительно умными могут быть эти создания.

Свою сообразительность и находчивость коза нам демонстрировала вновь и вновь, пока жила у нас. Потом, позже, мы подарили ее в семью, которая держала козла, чтобы не лишать ее полноценной жизни.

Кавалер для Ритки

Однажды, нам стало понятно, что наша коза Ритка как-будто вступила в половозрелый возраст. Это мы определили по косвенным признакам, предварительно прочитав массу специальной литературы, и замучив соседей расспросами на столь специфическую тему. Так как опыта в этих делах не имели, совсем недавно поселившись в селе, то неминуемо встал вопрос: «Где искать кавалера?»

Выручили нас те самые хорошие наши знакомые, которые в свое время и подарили нам козочку в трехнедельном возрасте. Они одолжили нам своего козла на несколько дней. Его надо было забрать «самовывозом» или, в нашем случае, «самоходом». Срочно собиралась экспедиция. Упаковывались листья капусты, морковь и другие разные корнеплоды, хлеб. Решено было, что на это ответственное задание пойдут трое — я, старший

сын-студент и младший сын. Немного нервничая (козла-то вблизи мы видели только в зоопарке), и, посмеиваясь, мы отправились в путь. Идти надо было несколько километров. И вот, наконец-то, мы на месте. Радушные хозяева торжественно вручили нам веревку, на другом конце которой находился огромный, кудлатый и очень рогатый козлище. Его, а значит уже и нас, окутывало плотное облако очень неприятного характерного запаха. Только тут я поняла значение выражения «пахнет, как от козла». Ибо, бывшая городская жительница, не имела раньше возможности обонять подобный запах. Козел не просто пах — он смердел! Я с трудом сдерживала рвотные позывы, так как, плохо переношу запахи.

Хозяева утверждали, что Борька (так звали это чудище) — очень спокойный и покладистый. Мы пустились в обратный путь. Показался нам он в этот раз намного длиннее. Сказать, что мы не боялись этого существа, то значит погрешить против истины.

Я — впереди с веревкой в руке, за мной — старший сын, задача которого была направлять козла вперед, заманивая его, то капусткой, то морковкой. А младший смотрел, чтоб животное не сбилось с курса. Труднее всех приходилось мне, как мне казалось. Я козла не видела и тылы мои не были защищены. Все время я ожидала удара ниже

пояса.

С горем пополам добрались мы до дома и препроводили Борьку в Риткин сарай. Ритка, судя по ее изумленному виду, сюрприза явно не ожидала. Ее изящно вылепленные ноздри заходили взад-вперед от обвалившегося на нее запаха. Она взирала на козла с помоста, который мы соорудили ей, чтобы она не мерзла. Мы оставили их тет-а-тет. Заглянув пару часов спустя к ним, мы были поражены. На помосте на куче соломы, как падишах, возлежал Борька, а наша независимая гордочка Ритка смиренно лежала на земле, испуганно косясь на «господина».

Через несколько дней, мы, как и обещали, возвратили козла домой. Любви между животными не возникло. Долго еще Ритка, прежде чем зайти в сарай, вытягивала свою изящную шею, стараясь заглянуть испуганно в помещение. И заходила только тогда, когда убеждалась, что там никого нет. Спустя некоторое время, поняв, что нам не осилить всех этих животноводческих нюансов, мы подарили Ритку в «хорошие руки». В семью, что держала козла. Наши знакомые к тому времени переменили место жительства. В благодарность за подарок, как мы ни отказывались, нам была вручена гусыня, которую мы называли Мартой. Но, об этом отдельный рассказ.

Навестил

У нас жил кот Кузя. Серый с черными полосками — был он очень высок, и своим видом и повадками напоминал камышового кота. Частенько нам приходилось выслушивать жалобы соседки по поводу нападения Кузи на ее немецкую овчарку. Мы кота очень любили. Ему многое позволялось, но вот спать в нашей постели ему не разрешалось. Иногда кот все же потихоньку пробирался в нашу спальню и ложился мне на ноги. А я, почувствовав тяжесть его тела, шевелила ногами, прогоняя его. Еще у него была привычка по ночам смотреть в окошко, каким-то образом раздвигая занавески. Перед сном я занавески сдвигала, а утром они уже были раздвинуты. Часто, вставая ночью, я видела кошачий силуэт на фоне темного окна.

Как-то наш котик занемог. Пропал аппетит, воспалились глаза. Приглашенный ветеринар нас просто сразил, сказав, что кота не спасти. У Кузи была чумка. Отчаянно боролись мы за жизнь нашего любимца: делали назначенные уколы, ночами по несколько раз кормили его с ложечки куриным бульоном. Но... Одолеть болезнь мы не смогли. Угас наш Кузя. Похоронили мы его возле дома. И очень горевали.

Спустя, приблизительно, месяц, после этого печального события, ночью я почувствовала

привычную тяжесть кошачьего тела на моих ногах. Я лежала на спине. «Опять этот Кузя пробрался ко мне в постель», — с недовольством подумала я. И, как всегда, пошевелила ногами, пытаюсь прогнать животное. И... «кот» встал и пошел. Пошел он по направлению к моему лицу. Вдруг мысль о том, что Кузи-то давно уже нет, пронзила меня! Но «кто-то» шагал по мне! Я лежала, закаменев, плотно зажмурив глаза, никакая сила не заставила бы меня их открыть. Дошагав до моего лица, это «нечто» остановилось. С этой стороны я ощущала сильное тепло, тогда как другая половина моего лица была очень холодная. Стояла зима и в комнате было холодно. Это продолжалось несколько минут. Потом «кто-то» мягко спрыгнул на пол и, судя по удаляющимся шагам, пошел к двери.

Утром занавески на окне были раздвинуты...

Карта

После ужина я и мои домочадцы пошли спать. Среди ночи какая-то смутная тревога подняла меня с постели. Я, толком еще не проснувшись, поспешила на первый этаж. Жили мы тогда в двухэтажном коттедже в военном городке в населенном пункте Верхняя Нора (Германия). Послonyaвшись по темным комнатам, я вернулась в спальню. Легла и стала анализировать, чего это мне

вдруг вздумалось бродить внизу без всякой цели.

И вдруг боковым зрением я увидела световое пятно на стене слева от меня. Повернула голову. Глазам моим предстала картина, ошеломившая меня. На стене светилась карта размером где-то 50×50 сантиметров. Отчетливо были видны очертания суши и моря. Такие карты я видела в школьных учебниках истории. Когда мы изучали наступление наших войск в ходе Великой Отечественной войны. Направление наступления было обозначено стрелками. Они были широкими в основании и постепенно сужались. Вот такие стрелки составляли узор в виде кленового листа на светящейся карте. Карта была цветная. Замерев, я смотрела на все это минут, эдак, пять. Затем изображение стало тускнеть и пропало вовсе.

О сне не было и речи. Сердце «прыгало» в груди. Я ничего не понимала в происходящем этой ночью. Резкий телефонный звонок прямо-таки подбросил меня. Мужа поднимали по тревоге.

Утром я села завтракать, глядя в телевизор. И... чуть не подавилась, увидев на экране «мою» ночную карту с «кленовым листом». В новостях говорилось о начале боевых действий в Персидском заливе.

Объяснить происшедшее я, конечно, не могу. Хочу лишь добавить, что из окна нашей спальни вдали виднелась каменная арка с колоколом,

который тревожно гудел под каждым порывом ветра. Арка стояла перед входом в Бухенвальд.

Невидимые обитатели

Живем мы на самой последней улице поселка, она так и называется — Степная, так как, впереди только степь, а точнее — поля. Должна, однако, сказать, что место, где расположен дом, не самое привлекательное. Прямо перед домом, всего метрах в трехстах, раскинулось... кладбище. Чуть наискосок, — газовая контора и, если ветер дует в сторону дома, чувствуется едкий специфический запах сжиженного бытового газа, которым заправляют баллоны. Почти над домом проходит высоковольтная линия электропередач. Прямо скажем, — не сосновый бор.

Дом, в котором мы живем, строили не мы. Был он нами куплен. И, как оказалось... вместе с невидимыми обитателями. О которых, впрочем, мы и не подозревали до поры до времени. И, только спустя полгода, когда нами был почти закончен ремонт, и в доме появились кот Тима и миттельшнауцер Стронг, поняли, что мы не единственные обитатели дома. По многочисленным комнатам Тима ходил совершенно спокойно, и только в комнате, выбранной нами под спальню, с ним происходило что-то странное. Кот нормально

себя чувствовал себя в ней до какой — то невидимой черты, переступив которую, он мгновенно преображался. Рыжая шерсть вставала дыбом на холке и по всему хребту, уши прижимались к голове, хвост бил по бокам и кот издавал совершенно дикие пронзительные вопли, широко оскалив зубастую пасть. В первый раз мы, наблюдая эту картину, жутко испугались. Но, это происходило вновь и вновь, и мы заподозрили, что животное видит кого-то невидимого для нашего взора. Чувствовали себя очень неудобно, зная, что мы тут, мягко говоря, не одни. «Масло в огонь» подливал Стронг, который вдруг принимался грозно лаять на пустой, на наш взгляд, угол. При этом шерсть у него тоже вставала дыбом. И зубы он щерил, и грозно рычал. Видно, не нравился ему этот «невидимка».

В доме пропадали мелкие вещи. Вообще-то, у нас каждая вещь в доме имеет свое место, а тут ищешь, ищешь... Точно знаешь, что еще вчера эта вещь была на своем месте, но это — вчера... А сегодня — ее нет. Через час вещь могла оказаться на своем обычном месте. Впрочем, не все вещи возвращались на свое место... У меня были любимые маленькие ножницы, которыми удобно было обрезать нитки, когда я шила. Они... пропали. Безуспешно я их искала, видимо, они нравились не только мне. Как-то совершенно неожиданно они

появились, когда я уже совсем распрощалась с ними. Но радость моя была недолгой. Через несколько дней они опять исчезли, на этот раз — навсегда.

Мы уже привыкли к исчезновению вещей и не обращали на это внимание. Но... стали происходить более интересные вещи: стал вдруг пропадать кофе. Кроме меня его никто не пил, «грешить» было не на кого. А уровень кофе в банке скачком резко понижался. У «кого-то», видно, тоже было низкое давление или просто кофе пришелся по вкусу. Также скачками понижался уровень меда в банке, и опять-таки, никто кроме меня его не употреблял. Мед потреблялся мною по чайной ложке в день, т. е... постепенно. Но однажды я, открыв банку, могла увидеть ее дно. «Так, — думала я, — мало того, что любитель кофе, да еще и сладстена!». Я склонна была думать, что «существо» все же женского рода, ибо кому еще мог понадобиться гель для волос, едва начатый мною, но за один день законченный «кем — то». И крем для рук — тоже.

А однажды я, как видно, провинилась. Проснувшись утром и взяв в руки байковый халат, намереваясь его надеть, я не поверила своим глазам... Тупо смотрела я на изрезанные в «лапшу» полы халата. Причем такие идеально ровные полоски нельзя было нарезать ни ножницами, ни

бритвой, ничем мне известным... Кто это сделал? Зачем? Почему? Муж и сын тоже рассматривали эту «лапшу» на халате с большим удивлением. Как возможно было это сделать? Да еще таким необычным образом? Вопросы наши остались без ответа, да и к кому их можно было адресовать?

Как-то утром, накормив омлетом сына, отправила его в школу. Муж доедал завтрак, я мыла посуду. В кухне у нас, еще от прежних хозяев, осталась огромная, занимавшая почти треть кухни плита. На плите лежали скорлупки от десятка яиц. Они были сложены одна в одну так, что представляли собой увесистое сооружение. Муж сидел лицом к плите. Я боковым зрением увидела, что лежащие на плите скорлупки с такой силой были сброшены на пол, что, упав на пол, оказались на расстоянии полутора метров от плиты. У меня — отменная реакция, я, как только заметила «полет», мгновенно повернулась лицом к плите. Так мы с мужем и наблюдали за всем. Ничего не понимая, молча смотрели мы то на скорлупки, то друг на друга. А что тут скажешь? Кому рассказать — не поверят, да еще произведут несколько вращательных движений пальцем возле виска.

Есть в нашем доме маленькая, уютная, но только на первый взгляд, комнатка. Ее при поселении в дом выбрал себе старший сын, успев это сделать чуть раньше младшего. Комнатка с

отдельным входом, не проходная, как следующая, доставшаяся младшему сыну. Так вот, в этой комнатке происходят необъяснимые вещи. Когда приезжает внучка, она располагается в комнате своего папы, т. е... в той самой комнате. И мне приходится оставлять свою удобную кровать с ортопедическим матрасом, чтобы спать вместе с внучкой, иначе она боится там спать.

То вдруг начинают звенеть рюмки и бокалы в стоящем рядом с кроватью серванте. Причем полное ощущение, что рядом с домом проходит железная дорога, и по ней постоянно проносятся тяжело груженные товарные составы. Продолжаться это может часами. То вдруг охватывает беспричинный страх. Мой младший сын, спавший в соседней комнате, всегда плотно закрывал дверь соседней странной комнаты и укладывал тяжелую палку возле своей подушки, чтобы под рукой была на всякий случай. Иногда, по его словам, кто-то упорно всю ночь скребся коготками по двери, причем «их» было много. Так как сынок все же не хотел покидать свою комнату и спать в другом месте, я дала ему освященный в церкви серебряный крестик, а молитвам научила еще раньше.

Когда семья старшего сына приезжала в отпуск и располагалась в этой своей комнате, маленький годовалый внучек то и дело провожал

кого-то взглядом и грозил ему пальчиком: «Ну, ну, ну». Так как говорить он еще не мог, мы так и не узнали, кого же он там видел. Впрочем, видел он не только в той комнате. Как-то, зайдя в нашу спальню, вдруг показал на кого-то пальцем, резко заплакал, повернулся и бросился к нам, — искал защиту. Что-то сильно его напугало.

Да что говорить о детях? Мой взрослый сын, недавно приехавший в командировку, лег, естественно, в своей комнате. Ночью я видела, что у него горит свет. «Зачитался, да и заснул при свете», — подумала я. А утром сын рассказал, как его буквально выбросило из сна ощущение, что он в комнате не один. Он весь, по его словам, покрылся «мурашками», волосы его встали дыбом. Тут-то он и включил свет, да занялся медитацией, чтобы привести себя в порядок. Кстати, внучка теперь, приезжая к нам, спит в гостиной, проходной комнате, пусть и не совсем удобно, но зато не страшно.

А недавно я сидела рядом с нашим белым котом, занимаясь своими делами. Его необычное поведение привлекло мое внимание. Кот смотрел широко открытыми глазами на что-то, движущееся на полу под столом. Он с любопытством то вытягивал шею, то привставал, чтобы удобнее было смотреть, то припадал на лапы. Я, замерев, тоже смотрела в том же направлении, переводила взгляд

то на кота, то под стол. Конечно, я ничего не видела. По прошествии где-то минут пяти кот успокоился. А я вот — нет. Еще раз мне довелось наблюдать подобное поведение этого же кота на кухне. На этот раз он смотрел на кого-то с подвесного шкафчика. И смотрел уже не на пол, а под потолок. И опять за всем этим пришлось наблюдать мне. Кстати, другие коты (а у нас их четверо) ведут себя обычно.

Как-то, находясь дома одна, я подошла к зеркалу, намереваясь причесаться, как вдруг резко зазвонил таймер, стоявший на трюмо. Он был поломан и звенеть, в принципе, не мог. Так представьте мою реакцию на этот звук! Меня просто подбросило! Я поспешила выйти из этой комнаты.

И я, и мой муж время от времени видим, как что-то небольшого размера, где-то с котенка ростом, серое, очень быстро прошмыгивает по ковру, когда мы смотрим телевизор. Причем видно только боковым зрением.

Я уже не говорю о шагах на чердаке, которые я иногда слышу ночью, просыпаясь от этих звуков.

Каждый год батюшка, наш местный священник, кропит святой водой весь наш дом. Я периодически дымящим ладаном окуриваю все комнаты с молитвой, крестя все углы, оконные и дверные проемы, обхожу дом с зажженной

церковной свечой. Но...

Вреда особого «они» нам не наносят, за исключением того случая с халатом. Так мы и сосуществуем рядом.

А что нам остается делать??

Сон

Наша семья в очередной раз должна была менять свое местожительство. Мы на удивление долго прожили в одном месте — целых семь лет. Решался вопрос о назначении моего мужа, тогда бывшего в звании майора, на очередную должность. С повышением, разумеется. Как и всегда в подобных случаях, рассматривалась то одна должность, то другая. Все в разных городах, а то и в разных (тогда еще) республиках. Как будто кто-то складывал мозаику (или как сейчас сказали бы — пазлы). То там не сошлось, то здесь не «срослось». Мы ждали. В этот напряженный, в нервном отношении, период снится мне сон.

Вижу себя на полу самой настоящей избушки, про которую все дети читали, той самой, что на курьих ножках. Будто стою на коленях и опираюсь на руки. Это чтобы удержать равновесие. Избушка-то летит по воздуху. Состоит она, как и полагается ей, из одной как бы комнаты. Вся темная такая. Сложенная из круглых бревен. Старая. Видно это

по потемневшим заросшим мхом бревнам. Полумрак. Недалеко от себя вижу сидящую тоже на полу... Бабу Ягу. Мне совсем не смешно (хотя должно бы), а жутко. Летим молча. Как-то резко захотелось есть, прямо живот свело. А рядом, в деревянном новеньком чистом ушате, — много разных пирожных, кусков пышных тортов, которые источают изумительный запах ванили и сдобы. Осторожно протянула руку, чтобы взять кусочек. Не решилась спросить разрешения у сидящей рядом. Но тут же отдернула руку, испугавшись неожиданного звука. Резко, как будто каркала ворона, прохрипело: «Не трожь! Не твое».

Старуха открыла дверь и я, сидевшая неподалеку, увидела проносящиеся внизу пейзажи. Изумрудная сочная растительность, лиственные деревья и цветущие кустарники, высокая зеленая трава радовали глаз. Я тихонько подползла еще ближе к двери, намериваясь спрыгнуть, так как летела избушка довольно низко, чуть не касаясь курьими ногами крон деревьев. Но бабка так глянула на меня, что я замерла. Она кинула, выбрав из ушата большой кусок торта вниз (уж не знаю, кому он предназначался, а спрашивать, конечно, не стала). Летим дальше. Вижу, внизу уже пальмы, цветущий олеандр с розовыми цветочками. Флора, характерная для субтропиков. Опять потихоньку поползла к двери. Может, сейчас повезет, и я

избавлюсь от нехорошего соседства? Но мне не разрешают. Вниз полетел очередной кусок кондитерского изделия. Я только слюнки сглотнула. Так сменились несколько ландшафтов. Я все смотрю вниз. Медленно поплыли пологие горы с выжженной, низкорослой, поменявшей цвет с зеленого на бурый, травой. Пейзаж какой-то лунный. От всего веет унылостью и безнадежностью. Все голо и невыразительно. Избушка тем временем пошла на снижение. Когда до земли оставалось метра полтора, старушка с седыми космами и крючковатым носом подтолкнула меня к двери. Перед этим кинула на землю кусочек черного хлеба, достав его, изрядно поковырявшись, из ушата. Сказала, остро глянув на меня: «Вот теперь иди. Пора. Это твое». Я вывалилась из дверей и мягко приземлилась на покрытую мелким щебнем землю. И... проснулась.

Больше в ту ночь уснуть не смогла, как ни старалась. Все думала, что бы значил мой сон. Уж очень он был непрост.

Наутро рассказала мужу про то, что мне приснилось. А он мне сразу так и говорит: «Я знаю эти места. Это Ленинанкан. Ты все очень точно описала».

Так что, когда недели через две мужа назначили в Ленинанканскую дивизию, мы не особенно и удивились. Были готовы к этому. Приехав на

новое место, поселились в доме, с балкона которого прекрасно был виден «лунный» пейзаж. Перед нашим домом не было других строений. До турецкой границы было всего семь километров.

Так что первая часть сна сбылась с поразительной точностью. Сбылась и вторая. Старушка сбросила лишь кусочек черного хлеба. Так все и было. Жили мы очень и очень скромно. Сбылось и третье. Я все думала, почему мне приснилась именно избушка с таким страшным персонажем? А в 1988 году все прояснилось. Случилось жуткое землетрясение, в результате которого город был почти весь разрушен. Семья наша пострадала. Едва «вытянули» с того света старшего сына, квартиру и все имущество мы потеряли.

Вот и не верь после этого снам.

Предупреждение

Эта история случилась со мной в 1988 году, когда наша семья проживала в Армении. Совершенно внезапно, в августе, умер отец моего мужа. Похоронив его по всем православным канонам, мы вернулись в Ленинакан. Все ритуалы были соблюдены и на 9-й день, и на 40-й, все, как и полагается. Но покоя мне не было. Должна сказать, что я очень любила своего свекра —

замечательного человека. Я плакала и плакала, беря себя в руки только к приходу с работы мужа, чтоб еще больше не травмировать его. Так продолжалось почти до середины ноября.

Однажды, отведя в школу своих двух сыновей, я вернулась домой. Дома меня встретила Бобка, карликовый пинчер, которая жила с нами. Дама она была, прямо скажем, очень нервная, но в этот день вела себя спокойно. Она осталась лежать в прихожей. Я же, чувствуя какую-то тревогу, обошла всю нашу квартиру. Убедившись, что все в порядке, в самой дальней комнате (нашей спальне), я стала переодеваться в домашнюю одежду. Поскольку зимы на таком высокогорье были весьма суровые, а дети часто болели, окна у нас были плотно законопачены. Все щели заделаны ватой, а сверху еще и заклеены полосками белой материи. Ни о каком сквозняке речи и быть не могло. Шторы были из плотного материала и занимали всю стену — от потолка до пола, и от стены до стены. И вот я стою спиной к зашторенному окну, и вдруг чувствую, что у меня за спиной что-то происходит. Какое-то активное движение.

Мне стало дурно. Я-то знала, что нахожусь в квартире одна. Оцепенев, постояла несколько минут. Но, поскольку движение, как я видела боковым зрением, не прекращалось, приказала себе повернуться лицом к окну. А что мне оставалось

делать? Резко повернувшись, увидела такую картину: у одной из стен шторы сильно колебались, с амплитудой около метра. Шторы то двигались ко мне, то прижимались к стене. Закаменев, я смотрела на это минут пять. Затем мысленно скомандовала себе: «Иди и посмотри поближе». Ноги были как чугунные, но я заставила себя подойти вплотную и взялась за шторы руками. Оттянув, заглянула за них. Конечно, там никого не оказалось. Движение немедленно прекратилось, а я, кое-как одевшись, пулей вылетела на улицу. Решилась зайти домой несколько часов спустя, вместе с сыновьями, которых привела из школы. В квартире все было нормально.

Но... через три недели Ленинанкан сотрясся от страшного землетрясения силой в 10,5 баллов по шкале Рихтера. Ходила ходуном земля, качались здания, наш дом клонился то в одну, то в другую сторону, а в нашей спальне... раскачивались шторы, совсем так, как мне было показано накануне. Глядя на них, я поняла, что меня предупреждали о предстоящих событиях.

Наш старший сын очень пострадал во время этого землетрясения, пролежал под обрушившейся школой четырнадцать часов. Его чудом спасли, буквально вытащили с того света хирурги.

Я так думаю, что дух покойного свекра, уже зная грозившую нам опасность, не мог уйти, не

предупредив нас.

Накануне

Мой пятнадцатилетний сын уже с полгода чувствовал себя нехорошо. Его что-то угнетало и тревожило. Хотя видимых причин для этого не было. Он все время находился в каком-то непонятном напряжении. Я была в тревоге. Что с моим мальчиком? Почему он так нервничает? На мои расспросы он ответил:

— У меня такое ощущение, что я долго забирался на высокую гору. И вот я на вершине. А впереди — только спуск.

Меня встревожил его ответ. Это говорил подросток, тогда как эта речь уместна была бы в устах престарелого человека, путь которого подходил к концу. Я, как могла, успокаивала сына, беседовала с врачами, которые советовали давать ему валерьянку. Но она не помогала.

Был самый обычный день. Муж пришел на обед. Сыновья — из школы. Я накрыла стол и семья села обедать. Вдруг все мы увидели, как из кладовки, в которой я хранила всякие соленья-варенья, появилась мышь с совсем маленьким, видно, недавно появившимся на свет мышонком в зубах. Она, поглядев на нас бусинками глаз, прошмыгнула мимо и скрылась из виду. Через

некоторое время деловито пробежала в обратном направлении. И опять появилась с мышонком в зубах. И так было несколько раз. Это было настолько удивительно, что мы, забыв о еде, наблюдали за мышью. Что-то было не так. Мышь среди бела дня, не боясь нас, куда-то несла свое потомство. Это было очень странно. Пообсуждав увиденное, мы разбрелись кто куда. Муж-офицер отправился на службу. Дети пошли делать уроки, а я стала убирать со стола. Повернулась с чашкой к подоконнику, намереваясь поставить ее, и... замерла. По ярко-белой поверхности шествовал «караван» тараканов, с которыми я воевала, честно говоря, с переменным успехом. Прусаки шли цепочкой, строго друг за другом из квартиры на улицу, скрываясь в щели под подоконником. Стояла зима. Так зачем же тараканы шли из теплой квартиры на холод? Я ничего не понимала. Что это такое творится? Не успела оправиться от увиденной полчасика назад мыши, так тут тебе тараканы не знамо что творят!

Я занялась своими обычными домашними делами, обдумывая увиденное. Под ногами вертелась Бобка, карликовый пинчер. Все время пытаюсь забраться ко мне на руки, она отчаянно мне мешала. Обладая очень нервным, как и многие маленькие собачки, нравом, она в этот раз превзошла себя. Все время нервно облизываясь,

вращала глазами, поскуливала и ни за что не хотела оставаться одна. Так и бегала за мной по пятам.

Наступила ночь. Еле-еле уложив сыновей, я стала ходить по квартире, так как мне не читалось и не лежалось. Муж ночевать домой не пришел. Позвонив, он сообщил мне, что весь личный состав дивизии переводится на казарменное положение. В городе были беспорядки.

Я ходила от окна к окну, вглядываясь в непонятный в это время туман. На улице на разные голоса лаяли и выли собаки. Во входную дверь скреблась собака Серка, жившая на лестничной площадке. Наша собственная собака пыталась выбраться из кухни, грызла дверь и скулила. Только перед рассветом мне удалось немного поспать.

Утром собрала старшего мальчика в школу. Младший приболел, и я оставила его дома. Видя подавленное состояние своего старшего мальчика, спросила о причине такого настроения. Он мне ответил:

— Я видел очень страшный сон. Будто на меня опускается потолок и почти совсем придавил меня. Мне нечем было дышать, и когда я подумал, что мне конец, потолок стал подниматься.

Старший мальчик у меня очень начитанный. В шесть лет был записан в библиотеку. Его даже сфотографировали и поместили фото, как одного из лучших читателей. Я объяснила, что, видимо, ему

вспомнилось произведение Эдгара По, прочитанное им когда-то. Это там опускался потолок на узника. Кое-как успокоив мальчишку, я отправила его в школу.

А через несколько часов — сон сбылся... Произошло сильнейшее землетрясение, стершее с лица земли город Спитак, и значительно разрушив город Лениакан, в котором мы жили. На старшего сына, успевшего сбежать на первый этаж школы, обрушились верхние три этажа. Он был прижат бетонной плитой и пролежал на полу без движения 14 часов.

Сына достали из-под завала глубокой ночью. Ему нужна была срочная медицинская помощь. Благодаря оперативности военных, меня с сыновьями срочно эвакуировали в Ереван. Моего мальчика усилиями хирургов удалось вытащить с того света.

Уже потом, после всех происшедших событий, нам стали понятны и депрессия сына, и поведение мыши, тараканов, собак. И стало ясно, что сон тот накануне землетрясения — был вещим.

Святослав

Я и мой будущий муж были студентами четвертого курса Политехнического института, когда решили пожениться. К тому времени мы

встречались уже два года. Чувства свои проверили. Нас видели все время вместе. В столовую — вдвоем. В читальный зал — вместе. Готовились к лекциям тоже рядом. Короче, вполне созрели для брака. Нам все время хотелось быть вместе. А тут еще такие сложились обстоятельства, что только укрепили наше решение. Дело в том, что на трех самых престижных факультетах (на двух из которых мы и учились) распределение на работу происходит не в начале пятого курса, как на добром десятке других факультетов института, а в конце четвертого курса. Поскольку учились мы на разных факультетах, то и распределение получили бы в разные города. А для того, чтобы получить открепление от работы в распределенном городе, нужно было ехать в Москву в соответствующее Министерство. Короче, хлопот не оберешься. А разлучаться на два года нам, конечно, не хотелось. Семейным же парам было послабление — одному из супругов давали свободный диплом, то есть по окончании молодой специалист сам занимался поисками работы для себя.

Поженились мы в феврале, а уже в марте следующего года, как часто бывает у молодых пар, у нас родился первенец — сынок Святослав. Споров по поводу выбора имени у нас не было. Нам обоим нравилось это старославянское имя. Нам верилось, что у человека с таким именем

обязательно будет счастливой судьба. И он будет былинным богатырем с прекрасным здоровьем. Защищала я диплом с трехмесячным сынишкой на руках. Мы справлялись абсолютно без всякой помощи со стороны наших родственников. Нам, правда, тяжело давалось пеленание. С таким трудом спеленатый ребенок в мгновение ока освобождался от стесняющих его движения препятствий. И все приходилось начинать сначала.

Но главное во всяком деле — практика. Помучавшись некоторое время, быстро научились пеленать ребенка так, что он оказывался в виде аккуратненького кокона буквально через пару минут. Часто, не зная как поступить в том или ином случае, выходила во двор и спрашивала гуляющих там мам и бабушек. Катастрофически не хватало знаний об уходе за ребенком, но понемногу опыт приобретался. Мы с мужем благополучно защитили дипломы. А поскольку жилья у нас не было и работать я не могла, так как трехмесячного ребенка не с кем было оставить, мы решились выбрать такой вариант: муж все равно должен был отслужить два года в Вооруженных Силах после окончания института, так почему не отслужить сразу? Квартиру ведомственную военным давали, оклад в 180 рублей был гарантирован, тогда как инженерам платили на первых порах только 90 рублей. Выход как бы был у нас один — в армию.

Так мы и поступили.

Таким образом, Святослав в свои пять месяцев стал ребенком офицера. Офицер был в звании лейтенанта. Направили моего мужа служить в очень далекую и неизвестную нам Армению. В город, название которого мы едва запомнили — Эчмиадзин. Славик рос в военном городке, среди детей таких же молодых офицеров, как и мой муж. Был таким же, как и все дети его возраста, за исключением одного. Не знаю уж почему, но просыпаясь после обязательного в его возрасте дневного сна, он обязательно плакал где-то в течение часа. Ничего я не могла с этим поделать. Каждый день, хоть часы проверяй. Я не могла никакими силами «сбить его с волны». Пока не откричит положенное время, не замолкал. Я не понимала происходящего. Причин для плача абсолютно никаких не было. Так и плакал он до трехлетнего возраста. Я потом где-то прочитала, что дети этого возраста, имеющие тонко организованную нервную систему, видят тонкие миры, которые их пугают. После трех лет все как бы само собой рассосалось. Слава, как позже выяснилось, очень чувствительный, у него замечательно развита интуиция, может, и вправду что-то там видел, что нам недоступно?

В Армении существует культ кофе. Куда бы вы не пошли, везде можно почуть чудесный

аромат этого бодрящего напитка. Готовят его в Армении просто чудесно. Сами жарят зерна, сами в ручной мельнице мелют и тут же варят до одурения ароматный напиток. Кофе варят по много раз в день. И даже на рабочих местах — за это не ругают, так уж заведено, что и сами начальники обожают этот напиток и им, конечно, тоже обязательно варят и приносят в кабинет кофе с шоколадкой. Кофе варят только в специальной посуде по определенной методике. Я больше нигде не пила такого изумительного кофе, как в Армении. И вот однажды после очередного распития этого «нектара» готовившая его женщина вдруг предложила мне погадать на гуще кофе. Там часто это делают, а она славилась своими гадальческими способностями. Я, конечно, согласилась. Интересно же знать, что тебя ждет в будущем. Перевернула свою чашку особым образом, подсказанным мне и, немного подождав, отдала ее этой женщине.

Армянка предсказала очень скорый переезд в другой город, быстрое продвижение мужа по службе. «Жизнь ваша переменится, вроде как солнце взойдет», — сказала она. «А сын твой — непростой мальчик. У него во лбу звезда, и будет сидеть он на высоком стуле», — повествовала она. Она даже назвала срок нашего предстоящего переезда. А насчет «звезды во лбу» я прочитала много позже. Армянка, не очень хорошо владевшая

русским языком, не могла толком мне объяснить. Говорила только, что это очень хорошо. Я потом поняла из прочитанного мной, что наш сын находится под особой защитой Высших Сил, в чем мы неоднократно, к своей радости, убеждались. Были тому многократные подтверждения. Все так и произошло, как предсказывала эта армянка, и мы даже переехали ровно через тот промежуток времени, как она и предсказала. И карьера мужа поползла вверх.

Мальчик мой рос очень любознательным. А поскольку он был очень мал для того, чтобы посещать детский садик, я не работала, и все свободное от хозяйственных дел время отдавала сыну. Очень много ему читала, мы купили мальчику фильмоскоп, и я без усталости крутила ему фильмы-сказки. Когда работала по дому, непременно пела. Я знала великое множество песен, и Славик очень внимательно их слушал. Кроме детских песенок, он, как потом оказалось, усвоил и весь мой взрослый репертуар. Обучала его хорошим манерам. Славуня всех поражал своей вежливостью. Никто не мог поверить, что ребенок, который еще не очень четко говорил в свои два года, уже обязательно здоровался, и не забывал уходя попрощаться. Для меня это было естественно, а вот для других... Других это приводило в восторг. А внешность у него была

просто херувимская. Красивое лицо в обрамлении белокурых кудряшек. Он очень напоминал маленького Володю Ульянова, изображенного на октябрятском значке.

Я воспринимала Славу взрослым где-то уже с трехлетнего возраста. Мужа всегда не было дома, — уходил рано, приходил поздно. И я по любому поводу советовалась с маленьким сынком. И он таки давал мне дельные советы. Эдакий маленький старичок, глаза как у пожилого человека — ясные и мудрые.

Когда муж служил в Ереване в штабе армии, куда его перевели, как и предсказывала армянка, мы повели нашего трехлетнего малыша на елку в Дом офицеров. Был он в костюме Буратино, который я ему соорудила накануне. В расписных бумажных черевичках с загнутыми носами, в красивой жилетке и вышитым колпаком на голове и «золотым» ключиком в руках. Мы с мужем не любим опаздывать, и поэтому прибыли немного раньше указанного в пригласительном билете срока. До праздничного представления было еще добрых полчаса. Наш ребенок, с интересом рассматривающий огромную елку, вдруг, встав под ней, начал своим звонким голосом петь, ничуть не смущаясь, чем немало удивил даже нас — своих родителей. Пел он так виртуозно, что возле нас стала собираться толпа. Подошел баянист,

быстренько подстроился под Славу и начался настоящий концерт. Пропев всем известные детские песни, принялся за взрослые. Лихо и с задором исполнил «Смуглянку-молдаванку», «Амурские волны», «Летят перелетные птицы» и многое другое в том же стиле. Зрители были довольны, громко хлопали в ладоши. Уже неоднократно подходила организатор елки и говорила, что уже настало время начинать представление, а народ все просил и просил спеть. А после того, как Славику торжественно вручили подарок за проявленную инициативу и хорошее исполнение песен, представление, наконец-то, можно было начать.

Мы много раз переезжали с места на место. Поэтому часто приходилось быть в аэропортах и на железнодорожных вокзалах в ожидании транспорта. Слава и здесь не терялся. «Отрывался» на полную. Во весь голос начинал петь. Вел мелодию правильно и, что самое главное, — душевно. Отовсюду подтягивались люди, которым надо было как-то скоротать время, до этого они были заняты лишь разглядыванием друг друга, а тут тебе бесплатный концерт. Вскоре мы оказывались в плотном кольце из людей, которые просили исполнить ту или иную песню. Концерт мог продолжаться часами. Все были довольны. Слава — проявленным к нему вниманием, и тем, что занимался любимым делом, а люди — исполнением

песен и тем, что приятно скоротали время.

Когда мы проживали в Ереване, я устроилась работать на так называемый «почтовый ящик». Были такие «закрытые» предприятия, работавшие на оборону. При этом предприятия имелся детский садик, в который ходили дети сотрудников предприятия. Мне надо было устроить туда ребенка, чтобы я могла начать работать. Русская группа садика была переполнена, хотя и четверти группы не составляли дети русской национальности. Но делать было нечего, и мы с трудом устроили Славика в армянскую группу. Все равно будет и присмотрен, и накормлен. А языки в таком возрасте усваиваются мгновенно. Что плохого в том, что он будет владеть армянским? Ребенок тем более обладал хорошим слухом, освоить чужую речь, как нам казалось, не будет для него проблемой.

И мы не ошиблись. Прошло всего лишь пару месяцев, как воспитательница заметила, что когда дети поют, Слава тоже «как бы поет». Ей стало интересно. «Наверное, просто открывает рот», — подумала она и решила подойти поближе. И каково было ее удивление, когда она услышала, что Слава лихо поет на армянском. И ко всему явно понимает, о чем поет. Ынкерь Таня, так следовало называть воспитательницу в армянских группах (типа «товарищ» Таня), быстренько позвала весь